

Морское "ша"

Как много моря в букве "ша": Кронштадт, бушлаты и клеша; раскурит трубку не спеша усталый шкипер. В закат вонзается бушприт, шпангоут вдумчиво скрипит, и пахнет местный колорит парфюмом "Шипр". На шхуне шваброй дряют ют; швартов на шканцах отдают, и в душном сумраке кают шныряют крысы; со штормом шутит кашалот; клешнями краб крушит фальшборт; по шельфу шквал за горизонт уходит быстрый. В норвежских шхерах тишина. Шатается в тиши сосна. С ш-ш-шипением ползёт волна на берег древний. С шестидесятой широты циклон швыряет под винты шершаво-пористые льды, ш-ш-шурша о штевни. Шифруется рассвет в луне; на вахте штурман в полусне; туман шифоновым кашне слизал оттенки. За шепелявым ветерком барашки пенные – пешком, и шепчет что-то на ушко матрос шатенке. Как много моря в букве «ша»... Тельняшкой греется душа; шпигаты судно осушат водоворотом – и выйдет море из бортов! Приняв планету на бакштов, плывём в созвездии Китов под запах шпротов.

Дорога, выбравшая нас

Тихо отчалит от корпуса пристань, солнечный зайчик коснётся волны; в дымке сиреневой тает, как призрак, порт с ощущением вечной вины. Вышли, как водится, точно по сроку; карты надёжны, и верен компАс: это не мы выбирали дорогу – это дорога выбрала нас! Краны

портальные, вывернув шеи, смотрят нам вслед. Прямо над головой рывкнет тифон. От свободы хмелея, чайку отшлёпает флаг кормовой. Льдами приветствует бухта Авача, шквалом накроет Бискайский залив; в старой тельняшке – вся сущность удачи: чёрное с белым, прилив и отлив. Нас океан обнимает, как братьев, ластится кошкой и лижет борта; только порою смертельны объятья, многих вода забрала навсегда. Запах солёных смолёных канатов, тёплый пассат у чужих берегов; в память впечатаны намертво даты жизни и смерти друзей-моряков. В море открытом мечтаем о суше, на берегу просят шторма сердца; не проклинайте пропащие души, мы свою чашу допьём до конца! Девушки, милые, бросьте, не плачьте – слёзы зальют огоньки ваших глаз! Море не жалуется трусов. Иначе вряд ли бы море выбрало нас.

Время абсента

Время – к полночи. Время абсента и растрёпанной розы ветров. Ложи тонут в аплодисментах, а с галёрки – утробный рёв. Жизнь – театр, конечно. Но сцена не прощает фиглярства и лжи; декораций слепая замена разрушает души этажи. И не надо ломать постаменты: замечая истории след, разменяв память предков на центы – мы в себе выключаем свет. Черно-белой шурша кинолентой, режиссёр, закрутивший процесс, раскадровал лето в Лету, на эпохе поставив крест. Ну, какие, к Богам, аргументы? В наших судьбах простая вязь. Было – било. Но крепче цемента с обесточенным временем связь. И, отринув десяток вето, на крови строим новый кров... Время – за полночь. Время абсента, время горьких полынных снов.

Ожидание

Время тянется резиной, время капает из крана; запирая магазины, "Время" тикает с экрана. Посекундно, поминутно вытекает время долго водопадом с кручи круто, разбиваясь на осколки. Время тащится за стрелкой по кружочку циферблата. Время мечется, как белка, у любви воруя даты. Время электронной почты то сердечно, то беспечно. Я всё жду, когда придёшь ты – ежечасно. Ежевечно...

После дождя

Кляксы островов, проспектов линии к небу цвета жемчуга пришилины; летним ливнем выполоскан, вымыт город, продуваемый навывлет. Не сходя с гранита постамента, сохнут жеребец и всадник медный, медленно с копыт стекают капли. Выплывает солнце дирижаблем;

сохнут в переулочках трамваи. Эх, сейчас сорваться б на Гавайи – только на кого оставить город, что в слезах дождя, до спазма в горле дорог каждым краешком гранита? Город, что победами пропитан, город у подножья океана, город – не просторней чемодана, где сплелись в канат смолёный туго каторжане, царедворцы... Трудно, невозможно летней ночью белой взять – и бросить город корабелов, выдуманый, строенный в азарте, вырубленный форточкой на карте... И влезает снова плотник-Питер в китель, что давно на сгибах вытерт.